

A close-up portrait of a man with short brown hair and a beard, looking slightly to the right. He is wearing a blue and white checkered shirt. The background is blurred, showing what appears to be a building at night.

ДИАНА КИЛИНА

#Коттеджикотонер

Она будет моим
воспоминанием...

18+

Диана Килина

#Коллекционер

«Издательские решения»

Килина Д.

#Коллекционер / Д. Килина — «Издательские решения»,

Любви нет. Есть только страсть, похоть, вожделение. Есть флюиды. Есть химия. Есть секс. Но любви нет. Есть она. Есть я. Есть всего одна ночь в гостиничном номере. Ночь больших возможностей, ночь отсутствующих запретов. Ночь для меня и ночь для неё. Мы никогда не увидимся вновь, и это к лучшему. Я буду помнить её глаза и её имя, но оно останется ещё одним именем в веренице других имён. Эта ночь — просто ещё одна ночь среди других таких же ночей. Так я думал. Но я ошибался.

© Килина Д.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Настоящее	9
1	9
2	13
3	16
4	17
Прошрое	22
5	22
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

#Коллекционер

Диана Килина

© Диана Килина, 2016

ISBN 978-5-4474-3832-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

*Мой мир опустел, когда не стало
Бликов твоих глаз на этих улицах старых.
Искал их среди серых мегаполисов,
В салонах дорогих авто с высокой скоростью.
На руках привычней видеть повязки, чем ролексы
Ведь в моей боли теперь нет места для совести.
Нет страниц в книге для новых историй,
Нет повторов для сук, что любят грязные роли.*

*Давай и тему закроем там, где эти двое
Что-то писали друг другу ночами без перебоя.
Захлебывались матами безрезультатно,
Зная, что память однажды сотрут внезапно.
Бегу на запах в сторону запада, где
Комнаты затхлые, полны мыслей невнятных.
Ноги ноют, ведь все этажи как этапы
Духота там, где она была с ним заснята.
Перепотевшее тело, стоны, что мы
О любви законы закованы в стальные оковы.
Опомнись...
О ком вы? Вопросы и оправдания,
Слезы высыхать успевали на одном дыхании.
Ее щеки засалены, и я в сознании
Диск на пол бросаю, сигу впаливаю.
Очки, труба, громкое молчание
Мы прощаемся и вот все замерло...*

*Не устану погибать от любви,
Ядовитой на вид...
В небеса для двоих,
Ты меня позови.*

*В городе холодно, хоть и 40 на термометре
Пускаю дым по ветру, грусть моя ускорится.
Ты далеко снова и снова расстроена,
Мной непутевым и острием фраз тех обретенных.
Спорим, чуть что новая ссора
Помнишь и грустно. Я недостойн.
Телефон молчит будто немой и ночь ему вторит,
Готов сломя голову лететь к тебе по небу.
И я знаю, где-то там, под небесами
Где ничто и никогда не станет между нами.
Мы растаем, оставив всех, облаками карусель кружит
Постель устлана цветами.
А здесь и сейчас рассвет, шесть утра
В твоём окне свет, знакомый до боли подъезд.
Звонок в дверь. Малыш, привет. Возьмешь за руку,
Время замерло и в глазах я воскрес.*

*Не устану погибать от любви,
Ядовитой на вид...*

*В небеса для двоих,
Ты меня позови.*

*Опять перед глазами старый блокнот,
Опять бит говорит переходами нот.
Пальцы вбивают слова ночами про нее,
Чтобы проняло, и чтобы не было так тяжело.
Это не телешоу, операторы не уснут
Не выключают камер тут, смс не отправят.
Игра без победителей, без правил
Без прав на повтор от нежности до ссор.
Я чувствую город, скорость чувствую
Тяжелые взоры, завтра твой рассвет, уже никак
Не пустят мои шторы, в колонках тишина
Знаешь, история эта финала лишена.
Были он и она, сейчас один и одна
Мысли прогнал, отошел от окна, смирился.
Теперь так можно говорить о нас между ними,
Равнина без края, пропасть, бездна.*

*Не устану погибать от любви,
Ядовитой на вид...
В небеса для двоих,
Ты меня позови.*

*Когда нам казалось, что понимаем сигналы
Когда бокалы вдребезги разбивали
Когда под небесами клятву давали любви,
О том, что не перегорят изнутри огни
Когда мы гуляли ночью среди аллей
Мечты об алтаре и как назовем детей
Когда как будто твоей была моя фамилия
Не знаю теперь, были ли это ты и я?*

*I wish you never forget
The look of my face...*

Триада feat. Luxor «Позови»

– Па, я пойду гулять, – сказал мальчик, поправляя очки на носу.

– Хорошо, – ответил ему мужчина, погруженный в бумаги на кухонном столе, – Кепку надень.

Подхватив с вешалки незамысловатый головной убор, мальчишка надел его на голову и выскочил на площадку. Он спустился по ступенькам на первый этаж, и вытащил велосипед из каморки под лестницей.

Типовые девятиэтажки стоят квадратом, соседские дети всегда собираются в общем дворе, все друг друга знают. Вон там – Пашка из тридцать пятого дома прыгает по большим покрышкам от трактора, окрашенным яркой краской совсем недавно – ещё запах стоит. А там Лерка и Катя – играют в булочную, пытаюсь продать бабулькам песочные куличики.

Шурша колёсами, мальчик сделал несколько кругов вокруг двора, пока не заметил возле большого куста маленькую девочку. Он видел её раньше – тоже живёт по соседству, но девчушка очень редко выходит гулять. Это потом родители ему расскажут, что мама у соседской девчонки – известная балерина и что они постоянно в разъездах.

– Привет, – положив велосипед на бордюр – звонок на руле звякнул, мальчик подошёл к ней и посмотрел на развесистый кустарник.

– Пливет, – ответила девчонка, – Ширень класивая. Не достать, – вздохнула грустно и поджала губки.

Мальчик склонил голову набок, изучая пышные ветки с крошечными бутонами. Потом привстал на цыпочки и потянулся повыше, чтоб ухватиться за ветку. Сорвав несколько, он оборвал лишние листья и протянул их девчонке, что наблюдала за каждым его движением, как замороженная.

– Держи, – протянул букет ей, и поправил свободной рукой массивные очки, что съехали на кончик носа.

– Моя мама говолит, сто если найти вот столько, – показала пять крошечных пальчиков, – На цветке, то мозно загадать зелание и оно сбудется.

– Давай попробуем загадать, – мальчишка заинтересовался, ведь у каждого ребёнка всегда полно разных желаний.

Вдвоём перебрав каждый нежно—розовый бутон, они нашли два заветных с пятью лепестками. Девочка улыбнулась и сказала:

– Завтра мы с мамой уезаем. Я загадаю зелание, стобы снова тебя увидеть.

Мальчик улыбнулся в ответ и молча загадал то же самое. Уж больно забавной была девчушка – волосики кудрявые и тёмные, а глаза – огромные и любопытные. А ещё, она улыбалась, а его подруга детства улыбалась очень редко. Мальчику нравилась улыбка.

– Как тебя зовут? – спросил он, жуя горьковатый цветок.

– Шабина.

– А я – Глеб.

– Шпашибо, – пролепетала она, широко улыбнувшись наполовину беззубым ртом, – Я люблю ширень.

Махнула ему букетом и побежала по двору, разнося за собой сладковатый запах цветов.

Пожав плечами, мальчик поднял свой велосипед и покатил его к своему подъезду. У двери он обернулся, в очередной раз поправив кепку и дурацкие очки, что терпеть не мог, но девочка уже скрылась в одном из домов, а в каком – он так и не увидел.

Настоящее

*Died last night in my dreams
Walking the streets
Of some old ghost town
I tried to believe
In God and James Dean
But Hollywood sold out
Adam Lambert «Ghost town»*

1

Сиськи. Красивые женские сиськи, мелькающие перед твоими глазами. Может ли быть зрелище лучше?

Может. Красивая женская попа. Упругая, подтянутая и едва прикрытая короткими джинсовыми шортиками. Теми самыми, которые специально обрезают так, что при наклоне видна тонкая полоска шва между сочными полупопиями. Необычно то, что шорты эти с высоким поясом. Я могу насчитать пять, шесть... Семь пуговиц вместо молнии.

Она ставит заказанный виски на мой столик и разворачивается, чтобы уйти.

– Сколько стоит твой приватный танец? – говорю я.

Девушка вскидывает чёрную бровь, которая не сочетается со светлым цветом её выбеленных волос. Едва заметно напрягается и отрицательно качает головой, отвечая:

– Я не танцую.

– Сотня, – быстро предлагаю я, прикидывая, сколько у меня наличности с собой.

Она хмурится. Забавно. Хмурится, но не отвечает.

– Две сотни.

– Я не танцую, – повторяет она.

Но она по-прежнему стоит около моего столика. Возле меня.

– Три сотни.

– Ты серьёзно? Ты предлагаешь первой встречной три сотни за приватный танец?

– Я в стриптизятнике, – я окидываю беглым взглядом зал и лениво улыбаюсь, – А ты – лучшее что есть в этом заведении.

Она из всех сил попыталась сдержать улыбку, но уголки её губ дрогнули. Встрепенувшись, она снова надела маску серьёзности и покачала головой.

– Прости, но я не танцую.

Она разворачивается, снова открыв мне поистине шикарный вид на свою попу и начинает удаляться, держа поднос в одной руке.

– Четыре, – кричу я ей в спину, – Четыре сотни.

Девушка застывает. Стоит на месте, как вкопанная, несколько секунд, а затем оборачивается через плечо.

– Четыре сотни за что?

– Ты большая девочка, – я пробежался по ней глазами и не сдержал довольной усмешки, – Один приватный горизонтальный танец. Может быть, два. Может быть и вертикальный. Я ещё не решил.

В буквальном смысле я вижу, как она думает. Готов поклясться, что сейчас в её голове кружатся сотни мыслей, отговорок и, самое главное – оправданий, почему ей стоит согласиться. Я решаю добавить аргументов в пользу её: «Да» и говорю:

– Тебе понравится, обещаю.

Она молчит. Поворачивает голову в сторону бара, а потом возвращает свой взгляд на меня.

– Я закончу в пять утра, – произносит она неуверенно.

– Я подожду столько, сколько нужно.

Медленно, очень медленно она кивает. Закусывает губу, отворачивается и уходит. Я провожаю её взглядом, а затем возвращаюсь к своему прежнему занятию, а именно – разглядыванию очередной дамы, извивающейся на шесте, или пилоне – хрен его разберёшь, как он там называется.

Последнего прилично надравшегося клиента выводит под белы ручки охранник. Я наблюдаю за этим со своего места, а затем снова возвращаюсь к барной стойке, которую нервно протирает моё сегодняшнее ночное приключение.

Я люблю приключения. Я люблю женщин. Я люблю секс.

Очень много секса.

На самом деле, секс – это единственное, что приносит мне радость в жизни. Единственное занятие, где не нужно думать и анализировать. Just do it – идеально подходящий слоган для банальной, дикой, животной е%#и. Отключи голову, расслабься и получай удовольствие. Сделай так, чтобы она тоже получала удовольствие. Сделай так, чтобы она захотела ещё.

Но никогда не желай этого: «Ещё» сам. На то есть свои причины, о которых я не должен сейчас думать.

Пока она заканчивает, я бронирую через мобильник номер в ближайшей гостинице. Не долго выбираю между Swiss и Radisson, остановив свой выбор на второй. Она ближе на сто метров и в ней есть свободные номера с видом на город. Я хотел бы трахнуть её прямо у панорамного окна. Если честно, одна мысль об этом меня дико заводит.

Отрываю взгляд от экрана с подтверждением в тот момент, когда она подходит ко мне. Она больше не в шортиках – простые порванные на коленке джинсы и белая водолазка. В такой одежде она выглядит младше.

– Тебе точно есть восемнадцать? – с сарказмом спросил я, убрав мобильный в карман пиджака.

– Сюда не берут на работу, если тебе меньше двадцати одного, – насупившись ответила она.

– Не передумала?

– Обязательно отвечать?

Я замечаю, что она нервничает. Новичок, даже удивительно – в таком—то месте.

– Нет, – встаю с кресла и аккуратно обвиваю рукой её талию.

Она напряжена. Чертовски напряжена. Фактически, она как бревно под моей рукой. Надеюсь, что только пока и через полчаса она станет очень даже податливой.

– Пошли, – тяну её к выходу и замечаю пристальный взгляд охранника.

Девушка незаметно ему кивает, мол – всё в порядке. И тут я понимаю, что не знаю её имени.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, придержав дверь выхода.

– Сабина.

– Красивое имя. Глеб, очень приятно.

Она молчит. Чуть отдаляется, так, что мне приходится убрать свою руку. Хочет соскочить? Это будет обидно, но не смертельно.

– Подожди, – говорю я, направившись к банкомату.

Вытащив кошелек из кармана, беру кредитку и вставляю её в аппарат. Быстро снимаю пять сотен, и разворачиваюсь, ожидая, что Сабина испарилась, но нет.

Она стоит неподалёку, обхватив плечи руками и переминается с ноги на ногу. На ней какие—то яркие кеды. Ну точно, как подросток.

Подхожу к ней и указываю рукой в направлении гостиницы.

– Я забронировал номер в Радиссоне.

– А ты профи в этом, да? – ухмыляется она.

– Вроде того, – я тоже не могу сдержать улыбки и оглядываю её в свете уличного фонаря.

Глаза тёмные; волосы, как я уже упоминал, светлые. Длину не разобрать – собраны в небрежный пучок. Надо будет обязательно распустить, а может даже, если они на ощупь не как солома, намотать их на руку, когда я буду брать её сзади...

Чёрт, с такими мыслями я трахну её прямо на улице.

– Пойдём, Сабина.

Мы идём по городу не касаясь друг друга, но близко. Она молчит, я тоже. Где—то вдалеке небо разливается золотом – рассвет на подходе. Я замечаю, что на ней нет куртки, хотя утро достаточно прохладное, и протягиваю свой пиджак.

– Накинь, тебе, наверное, зябко.

Сабина пристально посмотрела на меня и натянуто улыбнулась:

– Поверь, меня трясёт не от холода.

– Я не причиню тебе вреда, – смотрю вперёд, когда говорю эти слова, прямо на вход в гостиницу.

Она не отвечает, по—прежнему семенит рядом. Наверное, на подсознательном уровне я жду, что она развернётся и уйдёт, но, похоже, этого всё—таки не произойдёт. Что, условно меня радует.

– Вызови лифт и жди меня, – говорю я, когда мы проходим крутящиеся двери.

Она кивает и бредёт в заданном направлении, а я иду к стойке администратора. Выдав мне ключ—карту от номера и дав сдачу с моей купюры, администратор окинула меня любопытным взглядом и пожелала – цитирую: «Приятной ночи».

В полшестого утра. Забавно.

Сабина придерживает створку одной рукой и отступает назад, когда я вхожу в кабину. Двери со звонком закрываются, и я жму кнопку шестнадцатого этажа. Вижу, что она задерживает дыхание, когда я ненароком касаюсь её груди плечом.

И это служит толчком для моих дальнейших действий.

Не говоря ни слова, я обхватываю её шею ладонью и прижимаю к стене кабины. Накрываю её рот своим – вкусно. Что—то сладко—ягодное. Приятный аромат, исходящий от её тела, кружит голову. Я в буквальном смысле дурею и провожу языком по её губам – они раскрываются. Исследую, пробую, лижу – безупречно.

Другая моя рука скользит по её талии вниз. Я тяну пояс её джинсов, а потом просто расстёгиваю пуговицу на них и засовываю руку внутрь. Трогаю её пальцами – девочка уже влажная, чёрт меня подери.

Она тихо стонет прямо в мои губы, когда я проникаю в неё пальцем. Такая узкая, что у меня ненароком закрадывается подозрение.

– Сабина, ты девственница? – шепчу я в её приоткрытые губы.

– Нет, – отвечает она, глядя на меня сквозь густые чёрные ресницы.

– Ты очень маленькая, – озвучиваю свою мысль вслух и улыбаюсь, – Сколько у тебя было партнёров?

– Ты что, мой гинеколог? – хрипло произносит она.

Я не могу сдержать смех. И я смеюсь, запрокинув голову. Убираю руку из её джинсов как раз в тот момент, когда лифт прибывает на наш этаж. Подталкиваю её в сторону, но не отпускаю, а напротив, обхватываю её сзади и прижимаюсь к нем всем телом.

– Шестнадцать десять, – говорю я, и она идёт в нужном направлении.

Иду следом, запустив руку под её водолазку и накрыв одну грудь ладонью. Другой рукой я даю ей ключ от номера и слышу её недовольно бормотание, когда прижимаю её к двери и трогаю везде, куда могу дотянуться.

Мы фактически вваливаемся в комнату. Я быстрым движением щёлкаю выключатель и понимаю, что я больше не могу ждать.

Мне. Жизненно. Необходимо. Быть. В. Ней. Сейчас.

Я прижал её к стене и стянул её джинсы вместе с трусиками на бёдра. Водолазку тоже снял через голову – она послушно вскинула руки, задержав дыхание. Глажу её везде, быстро расстёгиваю лифчик – хочу ощутить в ладонях мягкую плоть. Не могу сдержать стон, когда сжимаю возбуждённые соски – твёрдые, крошечные. Достая коробку презервативов из кармана, не глядя раскрываю её и вытаскиваю первый. Разрываю фольгу зубами, начинаю раскатывать защиту по своему члену, когда вижу это.

– О нет, – хриплю я, – У тебя тату на попе.

– На копчике, – поправляет она с иронией.

Чёртов бантик на попе, или копчике – неважно. Розовый, в белый горошек. Мать твою, я никогда не видел ничего более возбуждающего.

– Детка прости, но в первый раз будет очень быстро, – успеваю сказать я.

А затем тяну её бёдра на себя и вхожу в неё одним резким толчком.

Она стонет. Громко стонет. Опирается о стену руками, и прислоняется к ней лбом, когда я толкаюсь в неё ещё раз. И ещё. И ещё.

Б%№*, это волшебно. Она – волшебна. Она...

– Такая горячая, – бормочу я, двигаясь, двигаясь, двигаясь, – Тугая.

Стон. Толчок. Стон. Толчок. Стон, стон, стон. Её и мой. Громче, громче, ещё громче. Не думаю. Просто трахаю.

Слишком, мать его, хорошо.

Ох чёрт, чёрт, чёрт.

Она затягивает. Она обволакивает. Она сжимает. Я растворяюсь в ней. Наклоняюсь к её плечу, прикусываю его – стон. Поворачиваю её голову одной рукой и нахожу её губы – ещё один стон. Двигаюсь, двигаюсь, двигаюсь. Если я остановлюсь – я сдохну.

Она дышит мне в рот. Я дышу её дыханием. Стонет, всхлипывает, пока я загоняю себя в неё. Хороню себя в ней, или как там это принято описывать.

Её голос – как музыка. Он хриплый, томный, очень сексуальный. Я пью её голос. Сжимаю её талию рукой, другую протягиваю через неё и держусь за её плечо. Сильнее, быстрее, глубже. Я не могу оторваться от её рта – он вкусный. Она вкусная.

– Глеб, – шепчет она, широко раскрыв глаза.

Тряхнул головой и отстранился. Ещё немного. Чуть—чуть. Ещё глубже.

О да...

Она хрипло вскрикнула моё имя. Мне пришлось упереться рукой в стену, когда мои ноги начали дрожать. Рука на её пояснице, глаза на этом бантике.

Первый пошёл. Счёт открыт.

Поддерживая её под живот, выхожу из неё, ищу глазами урну и вижу её в привычном месте – под письменным столом. Стягиваю латекс с члена и бросаю его в нужном направлении. Ухмыляюсь, когда он попадает в яблочко.

Провожу губами по её плечу и вдыхаю запах её кожи.

– Хочешь в душ?

Она, молча, кивает. Я помогаю ей снять джинсы, и поднимаю её одежду с пола, зашвырнув её на ближайшее кресло. Включаю свет в ванной и наблюдаю, как она исчезает за душевой дверцей. Молча раздеваюсь сам, и иду за ней следом.

2

Она засыпала медленно, как будто до последнего боролась со сном. Сейчас лежит на боку, обхватив подушку руками и наполовину скинув одеяло, а я не могу отвести от неё глаз.

Её волосы оставляют влажные следы на постельном белье – ещё не просохли. Губы чуть приоткрыты – красные от моих поцелуев. Она немного хмурится во сне, её ресницы дрожат – наверное, что-то снится.

Я смотрю на неё, подперев голову рукой. Смотрю на изгибы её тела; на то, как поднимается её грудь во время вдохов, как её талия плавно переходит в бёдра. Провожу кончиками пальцев следом за своим взглядом, и вижу, как мурашки покрывают её кожу. Глажу татуировку – бантик – и не могу удержаться от поцелуя в шею. Короткие волоски на её теле встают дыбом, и ухмылка трогает мои губы.

Ей стоит поспать, но я не могу удержаться, и опускаю руку ниже, провожу пальцами между ягодиц и двигаюсь дальше. Она стонет и тянется навстречу моей руке. Погружаю пальцы в этот жар, в эту влажность и убираю руку с тяжёлым вздохом. Чуть надавливаю на её плечо, так, чтобы она легла на живот и тянусь к ночному столику за последним презервативом.

Я ложусь на неё сверху, держа собственный вес на руках. Мой член без труда входит в её тело – мягкое и податливое. Я не тороплюсь, я хочу сделать это медленно. Я хочу запомнить её такой – тёплой, сонной, с моим запахом на её теле.

Она вытягивает руки над головой. Вцепляется в подушку, сжимает ткань пальцами и приподнимает бёдра. Я тоже не могу удержать свои звуки, но глушу их, нежно посасывая чуть солоноватую кожу у неё на затылке. Выгибает спину и запрокидывает голову – теперь мои губы на её шее. Глубокий вздох – чей уже непонятно. Её рот ищет мой, я целую её, но она не отвечает, а просто дышит. И я дышу её дыханием.

Её лопатки идеально вжимаются в мою грудь. Её попа идеально прижимается к моему паху. Её руки идеально обхватывают мою голову и пальцы идеально запутываются в моих волосах.

– Ты – идеальная, – шепчу я, как в бреду.

Просунув руку между матрасом и её телом, я накрываю её лобок ладонью, глажу ласковым движением. Она начинает всхлипывать и роняет голову на подушку, спрятав своё красивое лицо от меня. Я двигаюсь, двигаюсь, двигаюсь, довожу её до оргазма рукой и разряжаюсь сам, когда она вздрагивает подо мной с приглушённым вскриком.

– Доброе утро, – я не могу сдержать улыбки, когда она поворачивается и смотрит на меня сонными карими глазами.

– Доброе, – хрипит она, – Нужно уходить?

– Нет, номер оплачен до завтра. Можешь поспать ещё, – я скатываюсь с неё и сажусь на кровати.

Избавившись от резинки, я оборачиваюсь, но она снова спит.

Я поднимаюсь и беру свою одежду с кресла. Надеваю трусы, брюки, рубашку и застёгиваю часы на запястье. На письменном столе нахожу ручку и несколько листков бумаги. Пишу всего одно слово: «Спасибо» и кладу на записку четыре сотни. Туда же отправляется ключ от номера. Я думаю, что можно было бы ещё что-то добавить, какую-нибудь будничную фразу, но потом понимаю, что это бессмысленно.

Вряд ли мы встретимся вновь.

Смотрю на неё в лучах утреннего солнца. Свет отражается от её молочной кожи, она вся словно сияет. Её лицо закрывают белые волосы – мягкие и шелковистые наощупь. Я знаю, я проверял. Потом перевожу взгляд на окно и ощущаю острый укол разочарования в груди – до него мы так и не дошли. Не хватило времени.

Это было бы красивым воспоминанием. Её ладони на гладком стекле, просыпающийся город под нами. Мои руки на её талии, пальцы вжимаются в кожу, оставляя на ней небольшие синяки. Её гладкие бёдра прижимаются к моим. Моя голова у неё на плече, лицо в её волосах, в её запахе. Или не так. Её спина прижата к окну, а я держу её попку и трахаю, глядя в глаза. Она шепчет моё имя. Шепчет: «Пожалуйста», «Ещё», «Сильнее». И я делаю так, как она просит. Я не имею ничего против.

Моргнув, я снова уставился на тёплое женское тело, раскинутое по кровати. Вздыхаю и ухожу из номера, тихонько прикрыв за собой дверь. Вызываю лифт и стою в коридоре, ожидая. Тру лицо ладонью и не могу удержаться – на ней её запах. Облизываю пальцы один за другим, и широко улыбаюсь – ну до чего же вкусная.

Город встречает меня ярким солнечным светом и шумом пыльных улиц. Ловлю такси, сажусь на заднее сиденье и называю адрес. Водитель везёт меня молча, только какая–то тихая русская музыка льётся из колонок. Прислушавшись, я распознаю слова и удивлённо вскидываю брови.

– Сделайте погромче, – прошу таксиста, поглядывая на утренний Таллинн в окно.

*Ведь в этом городе так много зомби
Работа—дом, работа—дом, не помню
Как это круто, про кого-то помнить
Как это круто, про кого-то помнить¹*

Прикрываю веки и вижу перед собой её лицо. Улыбаюсь этому воспоминанию и при-
слоняюсь виском к прохладному окну, выдохнув сквозь зубы.

Это лучшее воспоминание за последние два года. Она – лучшее воспоминание за последние два года.

Дом в пригороде. Гараж на две машины и подъездная бетонная дорожка. Спальня на втором этаже с большой двуспальной кроватью и просторным балконом с кованым ограждением. Я не помню, как правильно оно называется.

Расплатившись с таксистом, я выхожу во двор и бреду между кустарников к особняку. Я не привык называть его домом, я вообще не помню – мой ли это дом. Открываю дверь и набираю код сигнализации – моя дата рождения. Я тоже её не помню, но мне сказали, что восемнадцатое декабря – мой день рождения. Приходится верить на слово.

Бросаю пиджак в прихожей и иду на кухню. В аптечке беру упаковку снотворного и глотаю сразу две таблетки, не запивая водой. Смотрю в окно и тру шею ладонью, а затем поднимаюсь по лестнице в свою комнату.

В сотый раз морщусь, заходя в светлое помещение. Стерильное. Такое же стерильное, как и мой мозг. Раздеваюсь и падаю на кровать, накрываясь одеялом с головой. Сквозь него не проникает дневной свет, и я погружаюсь в темноту, которая привычно преследует меня во сне последнее время.

¹ L'One – Помни меня

Но сегодня всё иначе.

Мне снятся сны. Мне снятся воспоминания. Нет, не те, которые я больше всего хотел бы увидеть и, главное, вспомнить. Мне снится эта девушка, Сабина.

Снится её тело и широко разведённые бёдра, когда я нависаю над ней. Снится, как она выгибает спину, подставляя грудь для поцелуев и её соски – тёмные, напряжённые, молящие о ласке. Снится, как она кричит подо мной, а потом надо мной, а потом со мной вместе. Снится, как она просит не останавливаться, и я не останавливаюсь.

Снится, как она просит остановиться, но я не останавливаюсь.

Нет. Это не она просит. Это кто—то другой, но я никак не могу вспомнить. Она что —то кричит.

– *Стой! Тормози!!! Глеб, остановись!!!*

Крики, крики, крики. Но кто кричит я не помню, не помню, не помню.

Слышу громкий скрежещущий звук. Визг тормозов.

А затем меня снова накрывает темнота. Густая, чёрная, непроглядная. Как мазут, или чёрная краска, я не знаю, как правильно её описать. Я ничего не вижу.

Вместе с темнотой наступает тишина. Оглушающе—звонящая. Зловещая.

Почему я считаю её зловещей? Я не помню.

– Глеб! – громкий женский голос прорывается сквозь эту тишину, и я открываю глаза. Но темнота никуда не исчезает.

Сонным мозгом я понимаю, что запутался в одеяле с головой и рывком скидываю его с себя. Пытаюсь сфокусировать взгляд, и нахожу лицо, которое по—прежнему не вызывает во мне никаких отголосков и откликов.

– Глеб. Где ты был? – она злится и нервничает.

Сжимает пальцы и разжимает их так, что хрустят костяшки.

– Анжела, я был там, где я был.

Снова накрываюсь с головой и закрываю глаза, в надежде провалиться в сон. Но её голос опять мешает:

– Глеб! Я уйду на репетицию нашего танца. Ты помнишь, что твоя встреча с хореографом на следующей неделе?

– Помню, – бормочу я.

– Я записала адрес в твой ежедневник.

Её голос становится размытым – действие снотворного ещё не прошло. Я тихо ответил: «Хорошо», и перевернулся, в надежде, что она оставит меня, но, похоже, у неё свои планы на это счёт.

Чувствую, как матрас прогибается, когда она садится рядом.

– Глеб, – тихо говорит она, – Ты в порядке?

– Да, Анжела, – устало отвечаю я из—под одеяла, – Я просто хочу спать.

– Где ты был? – допытывается она чуть мягче.

– Просто гулял.

– Один? – удивление в её голосе заставляет меня ухмыльнуться в подушку.

– Да, один.

– Ты не передумал? – неуверенно спрашивает она.

Я вздыхаю. Переворачиваюсь на спину и откидываю одеяло. Приподнявшись на локте, я внимательно смотрю на неё, пытаюсь её вспомнить, но как обычно мне это не удаётся.

– Нет, я не передумал. Иди на репетицию.

Она устало улыбается и проводит рукой по моим спутанным волосам. Потом наклоняется и коротко целует меня в губы.

Всё это – её прикосновения, её поцелуй – всё чужое. Не знакомое. Я этого не помню. Я не помню её. Я не знаю, кто она такая. Я хотел бы, правда хотел её вспомнить, но не могу.

Просто белый лист в голове. Или чёрный, смотря с какой стороны посмотреть. Всё, что связано с именами Глеб и Анжела – просто пустой лист. Я не помню её. Я не помню нас. Я не помню этот дом.

Я ничего не помню.

Но я помню её, девушку из гостиничного номера. Это странно, но мне хочется, чтобы она была здесь. Чтобы она погладила меня по голове и запустила свои пальцы мне в волосы. Я помню, что это было идеально. Мне хочется, чтобы её губы коснулись моих губ. Это тоже было идеально.

Единственное, чего я не хочу, это чтобы она, как Анжела, поднялась и медленным шагом вышла из спальни, а потом и из дома.

3

Кабинет психолога оформлен в светло—зелёных тонах. Я в снова и снова разглядываю фотографию, которая стоит на столе – украдкой, надеясь, что моё пристальное внимание к лицам на снимке не так очевидно.

Они должны быть мне знакомыми, но я их не узнаю. То есть, я знаю, что на снимке изображён я в десятилетнем возрасте и мои родители, но я их не помню. И я знаю, что эта фотография стоит здесь от визита к визиту специально – тонкий психологический приём.

– Глеб, как ваши дела? – спрашивает меня мужчина, вальяжно раскинувшись на широком кожаном кресле.

Он полностью повторяет мою позу – пальцы в замке на животе, ноги скрещены в лодыжках и вытянуты прямо. Я ловлю его взгляд и ровным голосом отвечаю:

– Как обычно.

– Как подготовка к свадьбе? Это очень важное событие в жизни и, обычно, бывает только раз.

Вскидываю бровь и смотрю на него с любопытством.

– Обычно?

– Естественно, бывают исключения, – он мягко улыбается.

– Всем занимается Анжела, – вздыхаю я, переводя взгляд в окно.

– Как ваши отношения? Есть какие—то сдвиги? Воспоминания, быть может.

– Нет, ничего нет. Всё, как обычно.

– Вас это расстраивает?

– Нет, – безразлично отвечаю я.

– Вас не расстраивает то, что вы ничего не помните? – его голос звучит удивлённо, но я распознаю в интонациях фальшь.

Он просто хочет вытянуть из меня хоть что—то. Какие—то эмоции, быть может.

– Я привык к тому, что я ничего не помню, – отвечаю я, – Это превратилось в рутину, – криво усмехнувшись, я продолжаю разглядывать спящих туда—сюда людей за окном.

– И вы не хотите вспомнить свою прошлую жизнь, Глеб? Свою невесту, своих родителей? Обычно мои клиенты, потерявшие память, наоборот расстроены от того, что воспоминания не возвращаются.

– Я живу без воспоминаний уже два года, Георг, – я пристально смотрю на него и ухмыляюсь, – Я, правда, привык.

– Но сегодня вы выглядите немного иначе. Что—то произошло за последнее время? Может быть, какое—то приятное событие?

Его вопросы начинают меня раздражать. Он сам начинает меня раздражать. Я говорю одно и то же каждый свой визит к нему, но он по—прежнему задаёт вопросы, вынуждая меня снова и снова говорить слова, вызубренные наизусть. Меня это бесит.

Одно и то же. Одно и то же. Одно и то же...

– Было кое—что. Одна девушка.

– Девушка? – он выглядит заинтересованным.

– Да, девушка. Это ведь останется между нами?

– Естественно.

Вздыхнув, я улыбаюсь.

– На днях я переспал с девушкой. И до сих пор помню её. На самом деле, – я шепчу, расплетая пальцы и устраивая ладони на подлокотниках кресла. Затем, я чуть наклоняюсь вперёд, ближе к доктору и заговорщицки шепчу, – Я буквально ощущаю её вкус на языке. Это очень яркие воспоминания. Запахи, ощущения, – я смотрю на свои руки и чувствую тепло её кожи, – Очень отчётливые. Со мной такое впервые после... Ну, вы понимаете.

– Да, я понимаю. Вы виделись с ней только один раз?

– Да.

– Вы хотели бы новой встречи?

Я застываю и начинаю думать.

Хотел бы я новой встречи?

Что, если эти воспоминания – просто яркая вспышка? Что, если я просто выдумал их, как и любые другие? Что, если на самом деле она не была такой, какой я её запомнил?

Я ведь придумал образ родителей. Придумал, как отец учит меня ездить на велосипеде. Увидел, как мама читала мне книжки на ночь и пела песни мягким голосом. Я ничего о них не помню, но фотографии мне показывали – и я придумал обрывочные фрагменты, что—то, что было бы похоже на воспоминания о них. Может быть, они вовсе и не были такими, но я же должен хоть что—то испытывать, когда думаю о своих родителях.

Так же я поступил и с Анжелой – просто выдумал, как мы познакомились. Нет, она рассказывала мне о нашей первой встрече в университете, но я этого не помню. Я придумал, что она уронила книгу на ступеньках, а я поднял её и протянул ей. Наши пальцы соприкоснулись на мгновение, между нами пробежала искра и мы влюбились друг в друга. Кажется, обычно это происходит так.

Ангела говорила, что я был у неё первым, но этого я тоже не помню. Я вообще не помню, как я занимался сексом в первый раз и все последующие разы – последние два года исключение. Я придумал и это, постаравшись заполнить этот отдел мозга мелкими деталями – лёгкий дискомфорт и смущение, её вскрик от боли. Придумал, как я сжимал её в объятиях и успокаивал, глядя по голове и плечам.

Но всё это – не то. Это ложь. Этого на самом деле не было. А вот Сабина была. Я её помню.

– Да, Георг. Да, я хотел бы, – честно ответил я.

4

Мне говорили, что я должен побороть свои страхи перед тем, как вновь сесть за руль. Возможно, в этом было зерно правды, если бы не одно «Но» – у меня не было страхов. Вообще. Ни капельки.

Страх, как и воспоминания о моей прошлой жизни исчез. Испарился. Наверное, это такой приятный бонус. Мол, мы удаляем, вырезаем, выкорчёвываем всё о тебе, твоих родных, твоей девушке, но взамен убираем и страх.

Так что все психологические тесты я сдал на «Ура» и права мне вернули. Я в тот же день сел за руль и, признаться честно, после женщин – это второе моё любимое занятие. К тому же, оказалось, что у меня редкая для наших краёв, и красивая девочка – Maserati GranTurismo Cabrio.

И в такие дни, как сегодня, я люблю бесцельно колесить по городу, разглядывая незнакомые улочки, здания и фасады. Витрины магазинов. Людей. Врачи говорили мне, что я должен чаще бывать на улице и в обществе, чтобы спровоцировать какие-то отголоски прошлого. Объясняли, что знакомый дом или переулок могут вызвать воспоминания. Поначалу, я им верил. Теперь убедился, что это не работает, но привычка рассматривать всё вокруг осталась.

Центр города, светофор загорается красным. Моя рука на двери авто, из колонок льётся ритмичная музыка. Глаза надёжно защищены солнечными очками. Я бесцельно разглядываю идущих по пешеходному переходу людей, и тут вижу знакомое лицо.

От удивления, я моргнул несколько раз и вцепился в руль обеими руками. Потом улыбнулся и проследил за ней взглядом – она свернула направо и пошла по тротуару вдоль Виру. Сзади посигналили, и я быстро тронулся с места, сразу же свернув налево – кажется, здесь нет поворота, но мне плевать.

«Только не спускайся в переход, только не в переход» – мысленно прошу я.

Девушка продолжает идти вдоль здания и направляется к автобусной остановке. Она не видит меня, я отделён от неё двумя рядами машин. Быстро даю по газам и проезжаю следующий перекрёсток, разворачиваясь возле кинотеатра. Опять нарушил правила, но чёрт с ним.

– Нет, нет, нет, – бормочу я, пропуская пешеходов.

Впереди маячит автобус, двойка. Я не знаю куда он едет, но вижу, что она заходит в него.

– Бл*ть, – сорвалось с языка.

Я чувствую разочарование. Я упустил её, опоздал на какие-то секунды. А потом я смотрю на отъезжающий от остановки автобус и принимаю решение. Простое, немного безбашенное и маниакальное. Но, так или иначе, я еду за ним. Мне ничего не остаётся, как двигаться по полосе общественного транспорта. За последние пять минут я нарушил все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения.

Стараясь держаться чуть поодаль, я всё-таки перестраиваюсь в свою полосу и еду рядом, внимательно следя за поворотниками автобуса, чтобы успеть среагировать. Возле каждой остановки я нервничаю – что, если она сойдёт сейчас, и я снова её потеряю? Но мне везёт – она выходит только у Юлемисте, сразу же направляясь к центральному входу в торговый центр.

Я нахожу место на парковке за секунду; жду, пока поднимется крыша моей машины и быстрым шагом иду за ней, вылавливая силуэт в толпе. Это несложно – она слишком миниатюрная и тоненькая. Порыв ветра поднимает дорожную пыль в воздух, и она резко поворачивается, прикрыв лицо рукой. Растрёпанные белые волосы разлетаются в стороны, я вижу, как она жмурится, но продолжает идти вперёд.

Это было красиво.

Наверное, я совсем сдвинутый на голову, но мне нравится идти за ней. Нравится наблюдать, зная, что она не догадывается о моём присутствии. Мне нравится, что она чуть прикусывает губу, когда разглядывает витрины дорогих магазинов и мне нравится, что она проходит мимо ювелирных отделов, совсем не удостоив их вниманием. Мне нравится, что она улыбается случайным прохожим.

Она мне нравится. Чертовски нравится.

Я иду за ней следом, до тех пор, пока она не заходит в самый простой отдел женской одежды. Мне приходится наблюдать за ней из-за стойки с какими-то тряпками, и я не могу сдержать улыбку, глядя, как она в первую очередь смотрит на ценник и отодвигает в сторону вещи, которые ей, по всей видимости не по карману.

Странно, я ведь дал ей достаточно. На такие деньги многие живут месяц, и она вполне могла бы себя порадовать каким—нибудь платьем, или чем—то ещё.

— Я могу вам помочь? — приятный женский голос врывается в мои раздумья, и я поворачиваю голову.

Консультант. Мила. Явно во мне заинтересована. Улыбается во все зубы, которые кажутся неестественно белыми на её лице, и смотрит на мои часы голодными глазами.

Я отворачиваюсь от неё, и ищу глазами Сабину. Она что—то выбрала и направляется в примерочную. Мне жизненно необходимо узнать, в какой кабинке она будет.

Улыбнувшись настолько широко, насколько это возможно, я возвращаю свой взгляд к сотруднице, которая по—прежнему выжидает рядом.

— Вы не могли бы сказать мне, в какой примерочной будет та девушка?

Радостный оскал на лице консультанта медленно сполз.

— Я её знаю, просто хочу сюрприз сделать, — соврал я, продолжая улыбаться самым нахальным образом.

— Мы не можем делать такое, и... И...

Быстро читаю бейджик на её груди. Беру её ладонь и смотрю в глаза, состроив умоляющее лицо:

— Катюша, пожалуйста, сделайте это. С меня конфеты. Вы ведь, наверняка, любите сладкое?

Она удивлённо моргнула, уставившись на мою руку, сжимающую её пальцы. Тряхнула головой и посмотрела в направлении примерочных, а потом снова на меня.

— С вишневым ликёром, пожалуйста, — подмигнула она мне и удалилась.

Я издал звук, похожий на фырканье, а затем для вида схватил первую попавшуюся тряпку с вешалки и пошёл за ней следом.

— Одиннадцатая кабинка, — тихо шепнула она.

Кивнув, я посмотрел на номера закутков, отделённых от прохода только чёрной шторкой, и пошёл направо — в самый дальний угол. Очень удачно, ничего не скажешь.

Надеюсь, визжать она не будет.

Сердце ускорило свой привычный размеренный темп, в кровь хлынул адреналин. Нет, я точно псих — ехать через весь город за девушкой, чтобы проследить за ней в магазине, чтобы зайти к ней в примерочную. Она испугается и определённо правильно сделает. А я? Что сейчас буду делать я?

Сделав глубокий вдох, я остановился перед одиннадцатой кабинкой и медленно отодвинул шторку. Услышал тихий писк, а потом звук летящих на пол вешалок.

— Ты? — прохрипела Сабина, когда я вошёл в кабинку и дернул плотную ткань обратно, скрывая нас от посторонних глаз.

— Привет, — я улыбнулся и облокотился плечом о гипсокартонную стену, с любопытством изучая открывшийся мне вид на полураздетую девушку.

Нет, моя память в этот раз меня не подвела. Она действительно такая, какой я её запомнил. И даже лучше. Складная, аппетитная и какая—то неземная, что ли. Очень юная на вид, хотя она говорила, что ей больше двадцати одного.

Мой взгляд остановился на её груди, облачённой в простой хлопковый лифчик с каким—то ярким узором. Губы сами собой растянулись в улыбке, когда я смог его разобрать — на белоснежной ткани яркими розовыми буквами было написано «Bite me». Много—много раз, маленьким шрифтом.

С удовольствием это сделал бы. Прямо сейчас.

— Что ты здесь делаешь? — зашипела Сабина, отвернувшись и быстро натягивая футболку через голову.

— Мимо проходил, — хмыкнул я.

– Ты носишь женскую одежду? – она вздёрнула бровь, свою красивую бровь, и подняла упавшие тряпки с пола.

– С чего ты взяла?

– У тебя в руках платье, – она кивнула на мои ладони, и я посмотрел в этом направлении.

И правда, я держал в руках нечто бесформенное и непонятного зеленоватого цвета.

– Конспирация, – ответил я, улыбнувшись.

Сабина вышла из кабинки с противоположной стороны, мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней. Увидев, что она повесила все вещи, которые мерила, на стойку, я нахмурился.

– Ничего не подошло?

– Я просто захотела примерить, – неуверенно ответила я.

Странная она. Подхватив шмотьё, я вручил его той самой девушке, которой теперь торчу коробку конфет с каким—то там ликёром. Блин, забыл...

– Посчитайте, – я протянул и кредитку тоже, а сам не спускал глаз с Сабины.

Она удивлённо посмотрела на меня, а затем проводила взглядом продавца, которая очень прытко оказалась у кассы и прямо сейчас выбивала чек. К нам она вернулась с пакетом в руках, клочком бумаги, моей кредиткой и ручкой.

– Нужна Ваша роспись.

Быстро поставив загогулину, я вернул ручку и чек и снова воззрился на кареглазую красавицу, которая сощурила свои очи и сжала губы в тонкую линию.

Протянув ей пакет, я широко улыбнулся, но она только фыркнула, развернулась и быстрым шагом пошла прочь от меня.

– Сабина! – окликнул я.

Она никак не среагировала.

Я догнал её в несколько больших шагов и схватил за локоть. Она резко развернулась и громко взвизгнула:

– Да что тебе от меня надо?!

Вот тут я не выдержал и закатил глаза.

– Ничего мне от тебя не надо, успокойся. Держи, – снова протягивая пакет, я хмуро посмотрел на неё.

– Я не хотела покупать эти вещи.

– Ну, а я купил и хочу, чтобы ты их взяла.

Она резко выдохнула и отвернулась. Посмотрела задумчиво куда—то вдаль, а потом тихо сказала:

– Ты всегда получаешь то, что хочешь, да?

– Нет, не всегда, – честно ответил я, – Ты меня не знаешь, не надо вешать ярлыки и считать меня подонком.

– Я не считаю тебя подонком.

– Вот и чудненько. Тебя подвезти?

– Куда? – Сабина удивлённо моргнула, глядя на меня.

– Не знаю, – я снова невольно улыбнулся, – Куда тебе надо, туда и подвезу.

Она замолчала и пристально посмотрела на меня. Молчала она долго, пожалуй, целую вечность. Было что—то в её глазах, что—то знакомое. Неуловимо знакомое, понятное мне. Что—то похожее на...

– Мне никуда не надо. Оставь меня в покое, – наконец—то сказала она.

Отвернулась и быстрым шагом пошла к выходу, оставив меня стоять с дурацким пакетом в руках и каким—то неприятным чувством, что я сделал что—то не так; что—то испоганил.

Но что? Я не знаю

Прошное

*Come under my skin
Rush through my face
I need your light
I've been chased
To a stormy place
Shooting up to the sky*
Loreen «Paper light (Highter)»

5

Место, куда я пришёл было странным. С одной стороны, вход в подвал, что наводит на мысли о притоне. С другой стороны – чистый коридор с отштукатуренными стенами и красивыми фотографиями девушки в движении. Её лица не видно, только силуэт, но все снимки сделаны в разных местах – что—то на природе, что—то на крыше высотного здания, что—то на фоне окна.

Интересно. Вдобавок ко всему, эта студия находится рядом с тем самым стриптиз— клубом, где я встретил Сабину. Какой—то шутник явно хочет, чтобы мы сталкивались с ней вновь и вновь.

Я иду вдоль стены и ищу глазами вход в зал, о котором мне говорила Анжела. Первая ведёт в сортир – надо отметить, вполне приличный. Даже удивительно, как в этом Богом забытом месте можно было сделать что—то цивилизованное.

Вторая дверь закрыта. Хоть бы таблички повесили, что ли...

Блин, я превращаюсь в сноба.

Слышу приглушённую музыку, и бреду на звуки. Что—то медленное и мелодичное. Слов не разобрать до тех пор, пока я не открываю ещё одну дверь.

Хореограф оказался мужчиной средних лет. «Балерина на пенсии» – мысленно усмехнулся я. Пока я слушал его, пытаюсь изобразить то, что он от меня хочет под приторно— слащавую музыку, я гадал, будет ли Сабина сегодня вечером на работе? Стоит ли мне снова пойти в этот клуб?

Определённо, я – маньяк.

Сверив расписание и обсудив этот дурацкий танец жениха и невесты, я быстро попрощался с мужиком и иду на выход, думая о том, зачем вообще всё это нужно? Ах да, свадьба... Свадьба, которую мы откладывали уже два года. Свадьба, на которую приглашено двести пятьдесят человек – дальние родственники, партнёры по бизнесу, друзья семьи. Знаете, что самое смешное? То, что я буду выслушивать пожелания счастливой семейной жизни от людей, которых в глаза никогда не видел. То есть видел, но я этого не помню. Я их не помню.

Глубоко вздохнув, я поднимаюсь по бетонным ступенькам и толкаю дверь плечом. На улице льёт, как из ведра, и я недовольно морщусь – пока я дойду до машины, промокну до нитки. Замечаю движение краем глаза и поворачиваю голову.

Она стоит поодаль, обхватив плечи руками, подрагивая от холода. Видит меня, и её лицо сменяют все оттенки эмоций от замешательства до злости. Щёки бледнеют, и она сглаживает – вижу это по её горлу и шее. У неё красивая шея. И плечи. И грудь. Всё это достаточно хорошо видно, потому что вырез на её серой майке достаточно глубокий. Я бы даже назвал его провокационным. Так и тянет опустить по плечам эти широкие лямки и прикоснуться губами к нежной коже у неё за ушком. А потом ниже. И ещё ниже...

– Боже, ты оставишь меня в покое или нет? – простучала зубами она, прерывая ход моих непотребных мыслей.

Хотя, мне нравятся мои мысли. Они правильные. Особенно, когда я смотрю на эти плечи...

– Не уверен, что Господь ответит на твой вопрос, – быстро шагнув к ней, я снимаю куртку и набрасываю на неё, – Ты совсем замёрзла. Рад тебя видеть.

– А я тебя – нет, – вздёрнула подбородок она, – Иди, куда шёл. Тебе ничего не перепадёт. Это было ошибкой.

Немного опешив от такой злости, направленной в адрес моей скромной персоны я отступил назад и посмотрел на неё внимательнее.

Да, её трясёт, но не от холода, как я подумал вначале. На улице свежо, но не настолько. Её глаза чуть припухшие и красные, словно она... Плакала?

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Не твоё дело, Глеб, – она снимает пиджак и протягивает его мне на вытянутой руке, – Просто уйди.

– Тебя кто—то обидел?

– Жизнь меня обидела. Попытаешься с ней расквитаться? – она ехидно ухмыльнулась и провела ладошкой по лицу, – Иди.

– Дождь, – сухо заметил я, – Ты промокнешь. Моя машина за углом, я отвезу тебя.

Она начинает нервно притопывать ногой. Качает головой и на секунду прикрывает глаза, снова обхватывая себя руками.

– Сама доберусь.

Это начинает меня раздражать. То есть, я понимаю, что она смущена или у неё ещё какие—то тараканы, но я же не потрахаться ей предлагаю (несмотря на то, что об этом думаю), а просто не мокнуть под дождём.

Схватив за руку, я резко дёрнул её на себя и потащил в сторону. Мы выходим из—под арки, с неба обрушивается поток холодной воды. Она громко визжит, но я не слушаю, а просто тяну за собой, свободной рукой доставая из кармана брюк ключи от машины. Отключив сигнализацию, я подтаскиваю упирающуюся девушку к ближайшей двери, открываю её и заталкиваю Сабину на заднее сиденье. Сам забираюсь следом, уже в салоне стряхивая капли с волос и одежды.

– Слушай меня внимательно, – мой голос вибрирует от злости, и я не могу удержаться от дурацкого жеста указательным пальцем, тыча им ей в грудь, – Я не желаю тебе зла. Я не сделал тебе ничего плохого. На самом деле, я сделал тебе много приятных вещей за очень короткий, я бы даже сказал – сжатый срок. А теперь утомись, скажи простое человеческое: «Спасибо» и не веди себя, как идиотка.

Выдав эту тираду, я со свистом выдохнул и уставился на неё. Она тоже смотрела на меня во все глаза, чуть приоткрыв рот от удивления. Открыв консоль между передними сиденьями, я вытащил пачку бумажных салфеток и протянул моему наваждению. Она взяла её и тихо пролепетала:

– Спасибо.

– Так—то лучше.

На её коже капли дождя – они поблёскивают в тусклом свете. Её волосы намокли и сейчас напоминают мне тот момент, когда она вышла из душа в гостинице.

Неверные мысли, но...

Моя рука сама тянется к её шее, и я притягиваю её лицо к себе. Ближе. Ещё ближе. Касаюсь губ, осторожно целую её – вдруг ещё укусит. Позволяю себе чуть больше, лизнув её верхнюю губу и не могу удержаться от стона удовольствия, когда она впускает мой язык в свой рот. Ощущаю её пальцы у себя на затылке, и тяну её за бедро второй рукой на себя.

Она садится верхом и прижимается ко мне всем телом. Мой член уже каменный, но, когда я чувствую её, он начинает болеть в буквальном смысле.

– Саби, – бормочу я, посасывая её шею.

Мои ладони сжимают её ягодицы и толкают на себя. Я почти её трахаю, правда в одежде. Но даже это приятно. Её грудь трётся о мою, и я понимаю, что под майкой у неё нет ничего – только кожа. Зубами спускаю одну лямку – руки по–прежнему держу на её попке. Я лижу её, я целую её, я кусаю её – каждое моё действие сопровождается её стоном. Кожа на вкус, как дождь, и я пью её кожу. Толкаю её на себя ещё раз, и ещё, до тех пор, пока она не начинает сама двигаться.

– Ох, чёрт, – прошипел я сквозь зубы.

Я тяну вторую лямку и сжимаю в ладонях обе её груди, за что вознаграждаюсь новым стоном. Снова припадаю к шее, ищу её губы. Я хочу поглотить её. Я хочу, чтобы она поглотила меня.

Её джинсы слишком узкие, чтобы я мог просунуть в них ладонь. Мне приходится растегнуть их, отвлекая Сабину лёгкими покусываниями в её излюбленных местах – я уже знаю, что у неё очень чувствительная кожа на шее и груди. Она дышит чаще с каждым моим движением, она стонет с каждым прикосновением моего рта. Но, когда я наконец—то справился с пуговицей и молнией на её штанишках и без прелюдий погрузил в неё два пальца, она не сдержала громкий, почти отчаянный крик.

– Тише, нас услышат, – пробормотал я.

Она дрожит. Она вибрирует. Она напряжена, очень напряжена, и я не знаю почему. Если честно, мне плевать. Я просто хочу выбить все мысли из её головы. Я просто хочу её.

Не обращая внимания на боль в запястье, я трахаю её рукой, а она отчаянно пытается бороться со своими стонами. Её голова на моём плече, её бедра двигаются навстречу моим пальцам, её губы что—то шепчут в мою шею. Это приятное ощущение, хотя я не могу разобрать ни слова. Я смотрю на её спину в зеркало заднего вида, смотрю, как блестит её кожа, как она покрывается мелкими мурашками. Провожу свободной рукой вдоль позвонков и улыбаюсь, когда Сабина стонет прямо туда, где бьётся мой зачастивший пульс.

Её голос эхом проносится по всему моему телу. Проникает под кожу, в кровь, и всё вокруг становится неважным. Я просто не думаю об этом.

Она кончает, запрокинув голову и вскрикнув так громко, что, пожалуй, её слышали даже на другом конце города, а может, и страны. Я не стал накрывать её рот ладонью, чтобы приглушить эти звуки – они музыка. Мне плевать, что нас кто—то услышал.

Рухнув на меня, она наконец—то расслабляется. Я убираю руку из её джинсов и провожу влажными пальцами по её спине, от чего Сабина вздрагивает и коротко всхлипывает в моё плечо. Затем ещё раз, и ещё.

До меня наконец—то доходит, что это не дрожь после оргазма. Она издаёт звуки, похожие на рыдания, но борется с собой, зарываясь лицом в мою рубашку всё глубже.

– Эй, – шепчу я, пытаюсь взглянуть на её лицо, – Ты плачешь?

– Нет, – пропищала она.

– Посмотри на меня.

– Нет.

Я тяну её волосы, сильно, на самом деле сильно, и поднимаю голову. Смотрю на румяное лицо, по которому градом текут слёзы и хмурюсь.

– В чём дело?

Она молчит. Глядит на меня большими глазами, в которых плещется боль и какое—то нечеловеческое страдание. С каждым движением век вода омывает её лицо – тонкие струйки стекают по щекам вниз, к подбородку и падают, падают, падают.

В моей груди поселяется какое—то незнакомое мне чувство. Боль. Мне больно видеть, как она плачет.

— Я... Я могу тебе предложить? — неуверенно шепчет она, после мучительно—долгих минут тишины.

— Предложить — что?

Закрыв глаза, она отворачивается и свет из окна падает на её лицо. Я вытираю слезы большим пальцем и пробую их на вкус — они солёные и немного терпкие. Кажется, она даже не дышит, когда говорит эти слова:

— Я могу предложить тебе повторить то... — пауза, — Что было в гостинице?

Чувствую, как мои брови подлетают вверх от удивления. Она снова отворачивается и проводит пальцем по запотевшему стеклу, рисуя какие—то узоры. Я замечаю, что её рука дрожит. Очень сильно дрожит. Боится услышать отказ?

— Прямо сейчас.

— Да, — неуверенно произносит она.

— Это был не вопрос.

6

Вода стекает по моему телу тонкими струйками. Приятная всё—таки вещь, душ — тропический дождь, ничего не скажешь. Почему не замечал этого раньше?

Я вышел из кабинки, наспех вытерся и обмотал бёдра полотенцем. Прошёл в комнату и уставился на силуэт девушки, сидящей в кресле у окна. Наверное, я должен поговорить с ней, узнать, что её гложет, вывести, какие у неё проблемы, но... Я хочу сказать, что осознаю — её на это толкает что—то серьёзное, но чем я могу помочь? Мне бы со своими проблемами разобраться, а потом в Робин Гуда играть.

Молча я иду к входу и осматриваю висящее на стене зеркало. Оно небольшое, достаточно лёгкое для меня на вид и закреплено только на крючках. Снимаю его и ставлю возле двери ванной, напротив кровати.

— Иди сюда, — тихо говорю я, сев на край гостиничного ложа.

Я вижу в отражении, как она поднимается и медленно подходит ко мне. Поворачиваю голову, внимательно смотря на неё, пытаюсь запомнить каждую деталь. Простую одежду, которая только подчёркивает женственные формы. Чуть влажные после дождя волосы, которые стали немного завиваться и красиво обрамляют её лицо. Припухшие губы и глаза без грамма косметики, но такие выразительные, с длинными ресницами. Настолько длинными, что, когда она моргает, мне кажется я вижу их движение в воздухе.

— Раздевайся, — мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем мне хотелось бы.

Она рывком снимает свою майку и бросает её на пол. Её пальцы дрожат, когда она так же быстро расстёгивает джинсы и стягивает их вниз. На самом деле, сейчас она неуклюжа и не выглядит сексуально, но мне и моему члену плевать. И всё же, у меня не остаётся никаких слов, когда она избавляется и от трусиков и остаётся полностью обнажённой.

О, женщины, имя вам — коварство. И всё это коварство заключается в вашей наготе.

По—прежнему лишённый дара речи, я просто маню её пальцем. Она неуверенно шагает ко мне и встаёт напротив, а мои глаза мечутся между её отражением и реальностью. И я, честное слово, не знаю, что лучше.

Я тяну её за бёдра, заставив оседлать меня. Целую ключицу, плечо и провожу губами по груди. Пальцами глажу её спину, перебираю позвонки, до тех пор, пока не обхватываю ладонью затылок и не наклоняю её голову для поцелуя.

Чувствую её руки на своих бёдрах. Её пальчики раскрывают полотенце, а потом робко ложатся на мой железобетонный член. Удивительно, что я не схлопотал аневризму за последние полчаса, но...

Ох, б%№*Ъ.

Её руки становятся увереннее, она сжимает меня и проводит ладонью по всей длине. В глазах темнеет, а в ушах я слышу стук собственного сердца. Я понимаю, что не дышу совсем и делаю глубокий вздох, а затем тянусь к коробке. Молча протягиваю ей презерватив, она разрывает фольгу подрагивающими пальцами и смотрит на меня, закусив губу.

Не надо девочка, только не такими невинными глазами... Я же умру.

Так же молча, я перехватываю у неё резинку, быстро раскатываю её и приподнимаю Сабину за бёдра. Медленно погружаюсь в неё, ощущая руки на своих плечах и перевожу взгляд за её спину, прямо на отражение в зеркале. Смотрю, как мой член исчезает в ней и на долю секунды прикрываю глаза, чтобы совладать со своим телом и не кончить сразу же от одного этого зрелища.

Сжав её ягодицы, я поднимаю её. И снова опускаю. Снова поднимаю. Снова опускаю. Стон, стон, стон...

Я смотрю, как кусочек моего тела погружается в неё, наполняет её, растягивает её. Это красиво, очень красиво. В этом есть какая-то магия. Это просто волшебно. И бантик, нарисованный на её коже... Он – самое изысканное украшение этого вечера.

Она стонет, пока я повторяю движения раз за разом. Двигается навстречу, но я останавливаю её руками и шикаю:

– Не торопись.

Сабина хнычет, всхлипывает и прячет лицо на моей шее. Я продолжаю медленно трахать её, наблюдая за этим в отражении и не могу, не могу, не могу остановиться, даже если захочу. Но я не захочу.

– Повернись, – хриплю я, – Посмотри на нас.

Она послушно вскидывает голову и оборачивается. Смотрит мне в глаза через зеркало, медленно моргает и снова смотрит. Я снова приподнимаю её, и вторая она приоткрывает губы. Резко насаживаю её на себя, и она вскрикивает, запрокинув голову.

Снова. И снова. И снова.

Не думаю. Просто делаю.

Я не помню, как я оказался сверху. Я помню только её глаза – тёмные, засасывающие и обволакивающие. Я вижу себя её глазами. Вижу своё отражение в них. И мне кажется... Кажется, что в них я наконец-то узнаю себя.

Она дышит в мой рот, и я дышу её воздухом, её дыханием. Она кричит в мои губы, и я пью её голос. Она затягивает. Я растворяюсь в ней.

– Ты прекрасна, – шепчу я, перед тем, как провалиться в темноту.

Впервые за два года без снотворного.

Мой сон нарушает вибрация мобильного, доносящаяся откуда-то издалека, но не дающая, зараза, спать дальше. Я что-то недовольно бормочу, поднимаясь с кровати и подхожу к стулу, где висят мои брюки.

– Да, – сипит мой голос, пока я пытаюсь продрать глаза и сфокусировать взгляд.

– Глеб? – это Ангела, – Глеб, где ты? Уже два часа ночи.

Оу. Неожиданно.

– Я скоро буду, – прочистив горло, сказал я, поворачиваясь и ища глазами Сабину.

Но в комнате её нет.

Из трубки доносится глубокий вздох, а потом моя невеста тихо произносит:

– Глеб, что с тобой в последнее время? Ты совсем на себя не похож.

– Анжела, со мной всё в норме. Просто... – я заглядываю в ванную, в надежде застать её в душе, но и там её нет, – Ты знаешь, это моя голова. Все проблемы в ней. Ты здесь ни при чём, – я тру лоб и ненадолго закрываю глаза.

– Да, я знаю, но я волнуюсь за тебя.

– Всё в порядке. Я скоро приеду, – замечаю клочок бумаги на столе, и быстро подхватываю его.

– Жду тебя, – говорит она голосом полным надежд на счастливое будущее, но я отключаю трубку и бросаю её на кровать, вчитываясь в наспех брошенные гостиничной ручкой буквы.

«Это было ошибкой. Спасибо, что не относился ко мне как к илюхе. Прощай»

Сжав записку в руке, я сел на кровать и устало потёр лицо.

Опять сбежала.

Уставившись взглядом в одну точку, я просидел так добрых пять минут, а потом меня осенило. Я оделся за полминуты – надо будет спросить у Анжелы, служил ли я в армии – и быстро вышел из номера. Сдав ключ администратору, я быстрым шагом пошёл по направлению к значному заведению, оставив машину на парковке возле гостиницы.

Оглядевшись у входа, я первым делом посмотрел, кто находится за барной стойкой. Другая девушка, это плохо. Но, я могу её разговорить – это хорошо.

Иду в заданном направлении и сажусь на высокий стул, поставив локти на стол. Барменша замечает меня и подходит, покачивая бёдрами и широко улыбаясь.

– Привет. Что будете пить?

– Ничего. Я ишу Сабину.

Девушка меняется в лице, кажется, его исказила какая-то гримаса, но я не могу её разобрать в приглушённом свете.

– Она здесь больше не работает.

– В смысле?

– В прямом. Недостача у неё, сегодня уволили по-тихому.

Я удивлённо приподнимаю бровь и моргаю несколько раз. А потом просто спрашиваю:

– Сколько? – и достаю кошелек.

– Семьдесят евро, – девица пожимает плечами и демонстративно поправляет бокалы на полках.

– Ты издеваешься? Да у вас девочки за ночь в пять раз больше зарабатывают. Что такое семьдесят сраных евро, для этого заведения?! – я кладу на столешницу сотню, не сдержав своего возмущения, – Вот, закрой недостачу.

Она в ответ пожимает плечами, а потом воровато оглядывается и наклоняется над стойкой. Манит меня пальчиком с длинным алым ногтем, и ядвигаюсь ей навстречу.

– Слушай, Сабина неплохая девчонка, просто у неё проблемы...

– Это я уже понял, – перебиваю я, – Как её найти?

Она выпрямляется и пристально смотрит на меня, чуть наклонив голову набок. Потом снова оглядывается и зовёт жестом кого-то за моей спиной. Я напрягаюсь, потому что твёрдая рука охранника вполне может сейчас лечь на моё плечо и меня вежливо попросят отсюда, а я так ничего и не узнал.

Но всё оказалось проще – она подозвала другую девушку, чтобы ты побыла на её месте. Сама же исчезает в соседнем помещении и возвращается через пять минут.

Она говорит мне адрес на ухо, и я расплываюсь в улыбке. Целую её ладонь, от чего она хохочет, и подмигиваю, прощаясь.

Быстро, очень быстро, добегаю до машины и срываюсь с места. На улице до сих пор моросит, я разглядываю дорогу, освещаемую только мигающими светофорами и фонарями

и нервно барабаню пальцами по рулю. И что я скажу ей, когда появлюсь на пороге в три часа ночи? А что, если она вообще не одна живёт. Может, она замужем.

Последняя мысль заставляет меня нахмуриться. Кольца я не видел, но... Не все же носят обручальные кольца, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.